

УДК. 343.1

К ВОПРОСУ О ПРОФАНАЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В.А. Середнев

преподаватель факультета экономики и права, кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 607220, город Арзамас

Исследуется вопрос, связанный с формальным, т.е. лишенным смысла и внутреннего содержания понятием «внутреннее убеждение» и «совесть» в контексте ст. 17 УПК РФ, ? «Свобода оценки доказательств» В ходе проведенного исследования автором установлено, что феномен «внутреннего убеждения», которое по своей сути должно быть иррационально, но в сегодняшней парадигме уголовно-процессуального права, являющегося матрицей западно-либерального права и с подачи европейской правовой мысли является подменой понятия в уголовном процессе России. «Внутреннее убеждение» основанное на правилах классической логики подавило чувственное познание, предопределив формальное логическое мышление, свойственное в большинстве своем всей либерально-западной культуре. Поэтому сегодня основой внутреннего убеждения в отечественном уголовном процессе является позитивный закон, т.е. внутреннее убеждение при оценке доказательств является, убеждением не субъекта расследующего уголовное дело, а убеждением законодателя, так как закон, один из источников внутреннего убеждения, являет собой результат рациональной мыслительной деятельности отечественного законодателя.

Совесть, рассматривается автором, как внутреннее суждение, человека, которое для эффективной оценке доказательств должно основываться, на культурных ценностях народа, его быта, нравов, традиций, обычаев. Кроме того основная проблема использования совести, при оценке доказательств, связана с западными либеральными идеями, которые пронизали все уголовное судопроизводство. То есть опорой отечественного уголовного процесса являются западные образцы права, в которых, во-первых, «форма» (формальность), преобладает (доминирует) над содержанием (смыслом), во-вторых, отрицается нравственный аспект, для регулирования общественных отношений в области судопроизводства. Именно поэтому, в УПК РФ, имеется название (форма) слова, «совесть», но нет раскрытия ее смысла (содержания).

Автор убежден, для наполнения феномена совести содержанием, необходимо реализация самовоспитания духовно зрелой личности, которая должна отождествлять себя с культурой своего народа, его духовно-нравственными ценностями при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс, внутреннее убеждений, совесть, оценка доказательств, либеральный запад, культура, нравственность, народ, профанация.

В толковом словаре С.И. Ожегова слово «профанация», понимается как, «искажение чегонибудь, невежественным, оскорбительным отношением» [13, с. 940]. Именно такое понятие профанации, очень точно отражает содержание принципа уголовного процесса предусмотренного ст. 17 УПК РФ, «Свобода оценки доказательств». Принцип, это основополагающие начала, на основе которых, строится какая либо деятельность, в нашем случае уголовно-процессуальная деятельность. Анализируя принцип, необходимо моделировать его деятельность по той причине, что принцип, это не только, даже не столько начало, чего либо, сколько идея, которая всегда дает толчок к деятельности (например, люди после того, как говорят, что к ним пришла идея, начинают действовать, т.е. реализовывать ее). Кроме того в каждом принципе, заложен механизм с помощью которого он (принцип) должен реализовываться. В принципе «Свобода оценки доказательств» имеется рациональный механизм, *доказательства и закон*, основанный на логике, а также иррациональный механизм, *совесть*. Соответственно, доказательства и закон, основываются и подчиняются логическому мышлению и его законам логики. Совесть сама по себе иррациональна, она не подчиняется законом логики, а реализуются на основе духовного мира человека, его представлениям о нравственности, которая в свою очередь опирается на такие понятия как долг, честь и даже любовь к своему народу. Но есть в вышеуказанном принципе, еще один механизм, *внутреннее убеждение*, которое также должно быть иррационально, но в сегодняшней парадигме права, «сдобренного» либеральными идеями, мы относительно внутреннего убеждения, наблюдаем со-

всем иную картину. На наш взгляд, *внутреннее убеждение* в уголовном процессе стоит наряду с законом, но все таки в большей степени должно формироваться на основе совести. Внутреннее убеждение, есть с одной стороны, результат познавательной деятельности, т.е. «убеждение в наличии или отсутствии каких-либо фактических обстоятельств» [5, с. 99], а с другой, нахождение субъекта (лица) в состоянии определенных духовных эмоций, оценивающего доказательства. «В психологическом аспекте внутреннее убеждение чувство уверенности в достоверности, отсутствие сомнений в правильности сделанных выводов об обстоятельствах дела. Сомнения неизбежный спутник объективности, они присутствуют при исследовании и оценке доказательств. Все они должны быть устранены к моменту формирования окончательного внутреннего убеждения...» [5, с. 99]. Мы убеждены в том, что право, необходимо рассматривать через призму культурно-исторического контекста народа, в отношении которого применяется это право. Поэтому «Культура российского народа, с одной стороны, облегчает понимание процессов организационно-правового механизма внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве, а с другой, устанавливает координацию между различными видами деятельности... координацию, например внутреннего убеждения должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, и суда невозможно обеспечить вне культуры российского права» [1, с. 104]. Следует особо подчеркнуть, что «само понятие «права» связано со строго фиксируемой геополитикой, географической реальностью. Оно претендует на универсальность, но на самом деле отражает сугубо локальный процесс развития лишь одного из сегментов человечества. Иными словами, в юридической сфере вскрывается типичный обман Запад стремится навязать свои локальные установки всем остальным народам, отождествляя свой уникальный географический и исторический опыт с «общей теорией развития», с «магистральным путем социальной и моральной эволюции» и т.д.» [3, с.11]. И в данном вопросе мы полностью согласны с Н.Н. Алексеевым, который указывал, что «...когда мы употребляем слово «право», мы уже имплицитно входим в систему западного образа мышления, попадаем в философский контекст, чуждый органицистской логике...» [3, с. 11]. Следовательно право, в западном его понимании не может являться универсальной панацеей для управления всеми мировыми сообществами, которые могут принадлежать к различным цивилизациям, более того, как ранее мы замечали необходимо отказаться от абстрагирования и деклараций, которыми пресыщены и ложно обозначены, основополагающие идеи, принципы [15, с.64]. Подобная ситуация дает нам основание сослаться на мнение профессора А.В. Агутина, который всегда стоит на позиции того, что право должно быть связано и взаимообусловлено с культурным контекстом общества в котором оно функционирует и реализуется. Оторванность права от культуры и от нравственности, входящую в нее, а также от духовно-нравственного и исторического наследия ведет к презрению права и его институтов [2, с. 110.]. Именно по этой причине у нас имеется некая озабоченность, относительно внутреннего убеждения в контексте оценки доказательств в процессе доказывания, в том смысле, что механизм внутреннего убеждения в настоящем отечественном уголовном процессе опирается не на культурно-историческое и духовно-нравственное наследие российского общества, как это должно было бы быть. Говоря о зарождении термина «внутреннее убеждение» и его появления на российской правовой почве, следует отметить, что в обиходе отечественной уголовно-процессуальной науки смысл внутреннего убеждения вошел с подачи европейской правовой мысли. «...Сам термин «внутреннее убеждение» был введен французскими юристами, когда в результате революции был уничтожен старый феодальный суд с его розыскным процессом и учрежден суд присяжных, который начал рассматривать дела на основе свободного убеждения судей» [11, с. 47]. Таким образом, уголовно-процессуальная идея внутреннего убеждения становилась в рамках западноевропейского мышления. Соответственно «В методологическом плане потенциал внутреннего убеждения, сформированной в рамках западноевропейской (французской) культуры не может оказать действительного воздействия на уголовно-процессуальную деятельность в российской Федерации, без внесения в него смысла и значения, обусловленной культурой, менталитетом и мировоззрением российского народа» [2, с. 111] и эту мысль на наш взгляд

отрицать бессмысленно. В связи с этим отметим интересное обстоятельство, что идеологическая особенность и ограниченность понимания правовых феноменов, включая и внутреннее убеждение в уголовно-процессуальной сфере, в западноевропейском мышлении дает нам право указать на следующее: «идея внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве Франции появилось в качестве политического идеала в определенный исторический момент [2, с. 118]. Считаем, что политические идеи и политизация уголовного процесса, в конечном счете будет являться средством (идея, □ средство) и механизмом (политизация, механизм) дезорганизации и разложения всего уголовного судопроизводства. Поэтому идея внутреннего убеждения в контексте русского менталитета, основанного на культуре и традициях русского и других коренных народов России в области уголовно-процессуальной деятельности, в настоящее время является не просто недостижимым идеалом и несбыточной мечтой, а мечтой ложной, поскольку уголовный процесс представляет собой тот путь, посредством которого «применяется уголовное законодательство страны» [21, с. 111], внутреннее убеждение, детище западно-либеральной идеологии. Будучи такой, она элиминирует «призму» субъективного познания мира и своим содержанием опирается на объективность и беспристрастность. Поэтому на сегодняшний день, то, что нам показывают под феноменом «внутреннего убеждения», является подменой понятий, по своей сути не имеющего отношения к истинному «внутреннему убеждению» в уголовно-процессуальной сфере. «Внутреннее убеждение было порождено научным мышлением. По этой причине оно структурно не могло иметь того, что не основывается на объективном наблюдении и бесстрастном анализе. Вследствие чего внутреннему убеждению, субъективному по своей природе, были приданы объективные свойства (признаки)...» [2, с. 120]. Научная объективность в проведении внутреннего убеждения в уголовно-процессуальную сферу привело к тому, что «был потерян сам смысл внутреннего убеждения. Ему было придано такое значение, которое ни к убеждению в целом, ни к внутреннему убеждению не имеет никакого отношения, поскольку мышление (в основном организованное по правилам классической логики) подавило (свернуло) чувственное познание (мышление)...» [2, с. 120]. Это самое «подавление» с помощью механизма логического мышления, определило кульминацию неправильного развития либерально-западной культуры с присущим ей формальным мышлением.

Необходимо заметить, поскольку за основу внутреннего убеждения, которая в своей определенной части, своими истоками опирается на позитивный закон, приводит нас к выводу, что в российском уголовном процессе, фактически господствует не внутреннее убеждение, а убеждение, основанное на законе. В отличие от нравственной основы, базирующейся на религиозном убеждении, правовые положения внутреннего убеждения, активно опираются на плоды западной рационалистической философии (*Рационализм (от лат. ratio — разум) — метод, согласно которому основой познания и действия людей является разум, чувства с точки зрения рационализма не могут иметь никакого отношения к познанию*). «Закон, как один из источников внутреннего убеждения, являет собой результат рациональной мыслительной деятельности отечественного законодателя. Закон (как и в целом право) объективен в своем содержании. По своему существу он являет собой факт объективации внутреннего убеждения законодателя...» [2, с. 148-149]. Таким образом, в настоящее время в основание внутреннего убеждения уголовного процесса России положено, убеждение законодателя. Поэтому согласно положениям процессуальной доктрины, реализующейся в УПК РФ, внутреннее убеждение является плодом логической (мыслительной) деятельности, соответственно по своему законодательному смыслу оно не является свободным и в своей сущности не является продуктом внутреннего зрения, при оценке доказательств в уголовном процессе. Но поскольку, как уже было замечено, направленность уголовно-процессуальной деятельности к политизации, то законодатель «умело» создает иллюзию того, что внутреннее убеждение является результатом усмотрения «внутреннего зрения». В связи с этим А.В. Агутин отмечает: «При формировании внутреннего убеждения за счет свойства интуиции (внутреннего зрения), само бы внутреннее убеждение содержало бы в себе потенциал внутренней уверенности в своей целесообразности. В результате в целом в уголовно-процессуальной де-

тельности появлялся бы дополнительный потенциал» [2, с. 158].

Ведя речь о совести, следует указать, что, по нашему убеждению, она является механизмом, с помощью которого осуществляется связь нравственности и духовности с социокультурной системой уголовного процесса, по причине объективной связи совести со справедливостью. Другими словами, у западных народов феномен «совести» не рассматривается вообще, либо рассматривается как некое «внутреннее знание» [12, с. 269]. Для русского же человека совесть, есть его внутреннее судилище, долг перед обществом, который он должен, выполнить, поскольку совесть есть духовно нравственное и историческое наследие народа. Европейские народы и Запад, не придают значение компоненту совести, как важному механизму регулирования общественных отношений, считая его в определенном смысле рудиментом. «...У греков и латинян издревле не было славянского понятия «совесть», у греков и римлян было «внутреннее знание», которое по-славянски очень точно передавалось словом «сознание». Русская совесть по сей день не имеет параллелей в западноевропейских языках. Чрезвычайно трудно объяснить англичанам, французам, немцам, что такое «совесть», ибо в этих языках вообще отсутствует подобное понятие... дело в коренном расхождении взгляда на существо жизни у западных народов и у русского» [12, с. 269-270]. Русский человек, сознание, которого базируется на совести, имеет, как правило обостренное чувство справедливости, то есть «Совесть и здравый смысл русского человека противится многим нынешним вердиктам и приговорам судов, значит, мы обладаем каким-то внутренним ведением исконной подлинно русской справедливости, где не всякая вина считалась преступлением, где тяжким грехом полагались поступки, обыкновенные в современном обществе». [12, с. 129-130] Поэтому, когда пытаются указать, что в настоящем УПК РФ, понятие совести имеет место в ст.17 («Свобода оценки доказательств»), не понимают того момента, что сама социокультурное строение данной нормы не связано с духовно-нравственной позицией субъектов доказывания, указанных в норме. Поэтому «будучи такой, она не способна оказывать никакого воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, за исключением той ее части, которая основывается на индивидуализме, эгоизме и цинизме» [9, с.83].

Совесть, как внутреннее судилище человека, должна в своем механизме являться источником образа мышления субъектов, осуществляющих доказывание по уголовным делам. Совесть, если она «суд» внутренний, то она всегда наводит на действие (деятельность), т.е. представляет общую идею, выведенную не только из наблюдений, но и опыта, в смысле культуры и ее символов, и соответственно образующих социокультурную систему. Проблема, которая связана с профанацией, такого понятия как «совесть» в уголовном процессе, возникла вследствие того, что сегодняшний уголовный процесс России, пронизан западными либеральными идеями. Опорой отечественного судопроизводства являются западноевропейские образцы права, с преобладанием не только формальных, но и фундаментальных оснований. Естественно, что основным, фундаментом является методология западного мира, немецкая философия идеализма, в лице И. Канта и Г. Гегеля, как одна из ведущих форм сферы юридического мировоззрения [16, с. 46-56]. Поскольку одним из явлений западной культуры является право, в котором основной акцент делается на его внешней стороне, основной метод реализации, императивный, то именно И. Кант отрицал нравственный аспект при реализации права, когда писал, что «как вообще право имеет своими объектом внешнюю сторону поступков... оно чисто и не смешивается ни с какими нравственными предписаниями» [8, с. 597]. Верно, в связи с этим отмечает профессор А.В. Агутин, что «либеральная теория права, отрицающая не только глубокие душевные качества, и не только русского народа, но и саму нравственность во всем ее многообразии, выступала в качестве своеобразного инструментария, разрушающая духовные устои нашего общества. И, будучи цинична по своему содержанию, она стала пропагандировать сам цинизм как истинную человеческую ценность» [2, с. 82-83]. Поэтому в наше время навязывается российскому населению со стороны запада и звучит один из главных манифестов либерального воззрения и идеологии «прав человека» — подлинный эгоизм является очень серьезным и положительным моральным достижением [14].

Великий русский философ И.А. Ильин указывал, что «совесть является глубоким источником духовной жизни» [7, с. 276]. В нашем случае она должна являться вышеуказанным источником для субъектов, которые осуществляют производство по уголовному делу. Именно совесть раскрывает всю сущность субъективных оснований внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве. Действующий УПК РФ основываясь на ч.1 ст.17 законодательства исходит из того, что *совесть*, наряду с законом является одним из критериев, которыми руководствуются судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь и дознаватель при оценке доказательств. При этом правильное или понятное толкование «совести» законодателем, для уяснения ее содержания в УПК РФ отсутствует, т.е. требование руководствоваться совестью, без законодательного определения понятия совести в УПК РФ [19, с. 58; 20, с. 124]. Приходится констатировать, что законодатель не сумел сформулировать понятие «совесть», либо посчитал, что имеющее место «совесть», содержащаяся в ст. 17 УПК РФ, это и есть понятие. На самом деле то, что содержится в вышеуказанной норме УПК РФ, есть не понятие «совести», а просто слово совесть, не имеющей смысловой нагрузки.

Может возникнуть вопрос: с какой целью законодателем при доказывании по уголовному делу, в частности оценки доказательств обращено внимание на феномен совести? Рассматривая сегодняшний уголовный процесс, размышляя о доказывании, непременно нужно указать на содержание ч.1 ст. 17 УПК РФ «Свобода оценки доказательств» где отмечается, что «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и *совестью*». Именно в том виде, в котором совесть предоставлена в норме закона, ее основания вряд ли связаны с духовностью русского народа, по крайней мере, это весьма сомнительно. Мы солидарны с мнением профессора А.В. Агутина, который указывает, что появлению в норме уголовного процесса феномена совести в том виде, в котором оно закреплено в ст. 17 УПК РФ, она (совесть) обязана не духовному наследию русского народа и не православной традиции, а протестантизму пантеистического толка [1, с. 9-14]. Другими словами, законодательный смысл понятия «совесть» не имеет ничего общего с мировоззрением российского народа и естественно она в таком виде не способна оказывать какого либо положительное воздействие на уголовно-процессуальную деятельность «за исключением той ее части, которая основывается на индивидуализме, эгоизме и цинизме» [2, с. 188].

Более того, по нашему убеждению, в действующем УПК РФ вся внутренняя культура и духовность субъектов, осуществляющих производство (доказывание) по уголовному делу имеет декларативно-свернутый вид. Мы так же ранее указывали, что настоящее время УПК РФ духовно-нравственна составляющая следователей, дознавателей, прокурора и суда, представлена в каком то «изуродованном» виде, а «совесть» в крайнем случае, и очень с большой «натяжкой», можно было бы наименовать, в ходе интерпретации «социальным контролем», хотя, весьма условно [17, с. 53-59]. Вся причина кроется в том, что лица, наделенные полномочиями на осуществления уголовно-процессуальной деятельности, рассматриваются вне исторического, культурного, духовного наследия, народа, то и явление совести формальное [17, с. 54]. Вот такое «качество» совести на наш взгляд, есть попытка законодателя при составлении норм УПК РФ найти некий компромисс между позитивными нормами уголовно-процессуального права и практической реализацией данных норм в ходе уголовно-процессуальной деятельности. Законодатель пытается, предоставит «совесть», которая содержится в ст.17 УПК РФ, как некую потенциальную (возможную) справедливость. Это и понятно, так как носители «совести» в данном контексте, абстрактные должностные лица, рассматриваемые вне всякой культуры своего отечества, духовно- нравственного наследия и цивилизации, хотя и осуществляющие производство по уголовным делам.

Совесть, то как она дана сегодня в УПК РФ, не в состоянии определить ключевые процессуальные отношения и связи, не способна породить должное поведение участников судопроизводства, это указывает на то, что совесть в настоящем ее виде, хотя и закреплённая в УПК РФ, но не способная своим содержанием (потенциалом) обеспечить определенность

уголовного процесса. В связи с этим, можно привести высказывание В.Л. Будникова: «... современное правосудие совершенно, на мой взгляд, не ориентировано на применение подобных нравственных категорий. В результате совесть по-прежнему является неким декларативным символом, отражающих видимое стремление российского законодателя хотя бы формально учитывать потребности общества в справедливом правосудии» [6, с. 17]. Таким образом, совесть в уголовно-процессуальной деятельности не представляет тот связующий компонент, с помощью которого можно прийти к желаемому результату. Относительно этого и указывает А.В. Агутин: «... фактически совесть в уголовно-процессуальной сфере не является тем узловым компонентом, который способен с наименьшими усилиями получить значительный результат. В нашем обществе господствуют правовой и нравственный нигилизм. В такой ситуации невозможно вести серьезный разговор о каком-либо воздействии совести на уголовно-процессуальную деятельность» [2, с. 190]. Анализируя феномен совести в том виде, в котором он дан в УПК РФ создается впечатление, что законодатель не просто ставит под сомнение выработанные веками русским народом общепринятые ценности, идеалы, нормы нравственности и культуры, а умышленно отрицает их. Поэтому если поставить вопрос: «Существует ли в современном отечественном уголовно-процессуальном законодательстве символ либеральной идеологии эгоизма, гедонизма, цинизма и прочих болезней, пришедших в российское процессуальное законодательства из вне?» То ответ будет утвердительным и однозначным: «Современная законодательная формула совести в УПК РФ».

Мы считаем, что необходимо иметь в уголовно-процессуальной деятельности истинную совесть, а не формально-декларативную, а для этого непременно нужна реализация самовоспитания для осуществления получения духовно зрелой личности субъекта, который будет способен осуществлять уголовно-процессуальную деятельность. Цель воспитания, властный субъект уголовного процесса должен отождествлять себя с культурой своего народа, его духовно-нравственными ценностями. То есть необходимо вести речь, как писал И.А. Ильин о воспитании, духовности и зрелости [10] и именно это, как мы считаем должно являться основанием для надлежащего и истинного отправления совести в уголовно-процессуальной деятельности. Но в условиях западной парадигмы отечественного уголовного процесса, не только население РФ, но и в большинстве своем субъекты уголовного процесса, в обязанности которых входит осуществления производства по уголовным делам, не понимают сущности ни норм закона, ни совести, ни содержания внутреннего убеждения.

В ходе исследования стало очевидным, что законодатель не только пренебрег совестью в истинном ее значении в уголовном судопроизводстве, а такое ее «содержание», возможно расценивать даже как надругательство над культурой и совестью многонационального народа России. Текст нормы УПК РФ, в частности ст.17, где речь идет именно о совести, не только лишен смысловой нагрузки, но по своей сути и не является способным механизмом, для приведения к значимым для уголовно-процессуальной деятельности результатам, то **есть законодательная формула совести представляет из себя профанацию**. Поэтому верно отмечается, что «нынешние реалии уголовного судопроизводства таковы, что вести серьезный разговор о том, что должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, оценивало то или иное доказательство по совести является скорее исключением, а не общепринятым правилом» [2, с. 193]. Законодательная формула совести не создает надлежащие условия для формирования нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности. В том виде, в котором совесть проведена в УПК РФ, она является одним из эффективных средств разрушения нравственных оснований уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 195]. В связи с этой мыслью следует обратить внимание на одну из основных уголовно-процессуальных норм, регулирующих доказывание по уголовному делу, а именно ч. 1 ст. 88 УПК РФ («Правила оценки доказательств»), где указывается, что каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела. Возникает вопрос, куда же при правилах оценки доказательств из уголовно-процессуальной нормы «исчезла» совесть, которая декларировала свободу оценки доказательств в ст.17 УПК

РФ («Свобода оценки доказательств»)? Очевидно, что правовые требования (свойства) доказательств, такие как относимость, допустимость, достоверность и достаточность никакого отношения к феномену совести не имеют, иначе это понять и объяснить нельзя.

В парадигме сегодняшнего отечественного уголовного процесса все размышления и рассуждения о влиянии совести и использования ее потенциала для решения задач уголовно-процессуальной деятельности безнадежны и бесплодны. Верно, на наш взгляд в этом контексте замечает Е.В. Алексеев: «... единственным способом установления и обеспечения связи в обществе является право, причем в западноевропейском его понимании. Подобное понимание вступает в противоречие с духовными, нравственными и психологическими установками, которые преобладают в менталитете российского народа. Вследствие чего само право получает сопротивление со стороны менталитета российского народа. В итоге, правовое воздействие нейтрализуется, а связи в российском обществе остаются разорванными» [4, с. 109].

Основной смысл оторванности совести от культурно-исторического и духовно-нравственного контекста заключается в том, что сама «совесть является одновременно и духовным и нравственным свойством самого человека, которые формируют его мировоззрение. Вследствие чего должностное лицо, осуществляющее производство по уголовному делу, действует согласно требованиям своего внутреннего голоса, опирающегося своими основаниями на культурно-историческое и духовно-нравственное наследие нашего народа. Образно говоря, совесть в данной ситуации можно отождествлять с зовом наших предков» [2, с. 199]. Именно совесть на наш взгляд является сильнейшим регулятором общественных отношений, именно она должна при определенных обстоятельствах указывать на правило поведения. Поэтому для того, чтобы совесть стала механизмом связи нравственности и духовности с социокультурной системой уголовного судопроизводства, в уголовно-процессуальном законодательстве должно быть указание на культурное и духовное наследие народа, т.е. понятие совести, должно быть возведено в уголовно-процессуальный принцип, на законодательном уровне [18, с. 24-36].

Список литературы

1. Агутин А.В., Баженов А.И. Смысл и значение организационно-правового механизма внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве //Актуальные вопросы российского права: Сборник научных статей /Отв. ред. А.Ю. Винокуров. М., 2010. С. 9-14
2. Агутин А.В. Организационно-правовой механизм формирования внутреннего убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве: ценностно-мировоззренческие основания и методология /А.В. Агутин, И.Е. Адаменко, А.И. Бажанов / под ред. В.Н. Григорьева. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2013. С.82-83.
3. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: «Аграф», 2003. 640 с.
4. Алексеев Е.В. К вопросу о культурных и социальных традициях российского народа как организационной основе отечественного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы российского права: сборник научных статей /Отв. ред. А.Ю. Винокуров. М., 2011. С. 109.
5. Артамонова Е.А. Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учеб. пособие/ Е.А.Артамонова, О.В Фирсов.4-е изд. испр. и доп.- М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.
6. Будников В.Л. Совесть как нравственный критерий доказывания в уголовном судопроизводстве //Российская юстиция. 2010. № 1. С. 17.
7. Ильин И.А. О правосознании //Путь духовного обновления. М., 2003. С. 276.
8. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. 1472 с.
9. Кравцов Ф.И. Организационно-правовой механизм воплощения нравственных основ в уголовно-процессуальной деятельности: дис. канд. юрид. наук /. Ф.И. Кравцов. М.. 2011. 199с

10. Ильин И.А. Религиозный смысл философии / И.А. Ильин. М., 2003. С. 411.
11. Лазарева В.А., Развейкина Н.А. Внутреннее убеждение присяжных заседателей и некоторые аспекты его формирования // Право и политика. 2007. № 12. С. 47.
12. Миронова Т. Л. Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; проф. Л.И. Скворцова, 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.
14. Рэнд А. Добродетель эгоизма / А. Рэнд. М. : Альпина Паблишер, 2017. 186 с.
15. Середнев В. А. К вопросу понятия «правá» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция № 7 (9), 2016. С. 64.
16. Середнев В. А. Отрицательное воздействие Западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России, на примере протестантских воззрения И.Канта и Г.Гегеля // Отечественная юриспруденция № 12 (14), 2016. С. 46-56.
17. Середнев В.А. К вопросу о «совести» как компоненте морально-нравственных основ в уголовно- процессуальной и оперативно-разыскной деятельности / В.А. Середнев// Глаголь правосудия. 2017. 2 (14). С. 53-59.
18. Середнев В.А. Культурные и социальные ограничения в виде «должной правовой процедуры» в отечественном уголовном судопроизводстве □ угроза для национальной безопасности России // Ростовский научный журнал. 2018 № 11. С. 24□ 36.
19. Середнев В.А. Статус лица, задержанного субъектами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и виды их действий в контексте оперативно-разыскных мероприятий // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2019. № 1. С. 55-59.
20. Середнев В.А. К вопросу разграничения понятий «решение суда» и «осуществление правосудия» // Научный Аспект. 2019. № 1. Самара: Изд-во ООО «Аспект». Т.2. С.121-127.
21. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судопроизводство / Под редакцией В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 111.

Сведения об авторе

Середнев Владимир Анатольевич - преподаватель факультета экономики и права, кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 607220, город Арзамас, проспект Ленина д.101. корп.3. e-mail: адрес naganov1910@mail.ru

UDK 343.1

ABOUT THE PROFANATION OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF EVALUATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V.A. Serednev

Arzamas Branch of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The question of the formal, i.e. devoid of meaning and internal, content of the concepts of «inner conviction» and «conscience» in the context of art. 17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, «Freedom of evidence assessment». In the course of the study, the author found that the phenomenon of «inner conviction», which in its essence should be irrational, in today's paradigm of criminal procedure law, which is the matrix of Western liberal law legal thought is a substitute for the concept in the criminal process in Russia. The «inner conviction» based on the rules of

classical logic suppressed sensory cognition, predetermining the formal logical thinking, which is typical for the majority of all liberal-western culture. Therefore, today the basis of internal conviction in the domestic criminal process is a positive law, i.e. internal conviction in assessing evidence is not the conviction of the subject of the criminal investigation, but the conviction of the legislator, since the law, being one of the sources of internal conviction, is the result of the rational thinking activity of the domestic legislator.

Conscience is considered by the author as a person's internal court which, for the sake of effective evaluation of evidence, should be based on the cultural values of the people, their life, customs and traditions. In addition, the main problem of the use of conscience in evaluating evidence is associated with Western liberal ideas that permeated all criminal proceedings. That is, the backbone of the domestic criminal process is Western patterns of law, in which, firstly, «form» (formality) prevails (dominates) over content (meaning), secondly, the moral aspect is denied, for regulating public relations in the field of legal proceedings. That is why, in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation there is the name (form) of the word, «conscience», but there is no disclosure of its meaning (content).

The author is convinced that in order to fill the phenomenon of conscience with content, it is necessary to achieve the self-upbringing of spiritually mature persons who must identify themselves with the culture of their nation, its spiritual and moral values when carrying out criminal procedure.

Keywords: criminal process, internal convictions, conscience, evaluation of evidence, liberal West, culture, morality, people, profanation.

References

1. Agutin A.V., Bazhenov A.I. Smysl i znachenie organizacionno-pravovogo mekhanizma vnutrennego ubezhdeniya v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve //Aktual'nye voprosy rossijskogo prava: Sbornik nauchnyh statej /Otv. red. A.YU. Vinokurov. M., 2010. p.p. 9-14.
2. Agutin A.V. Organizacionno-pravovoj mekhanizm formirovaniya vnutrennego ubezhdeniya v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve: cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya i metodologiya /A.V. Agutin, I.E. Adamenko, A.I. Bazhanov / pod red. V.N. Grigor'eva. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2013. p.p.82-83.
3. Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: «Agraf», 2003. 640 p..
4. Alekseev E.V. K voprosu o kul'turnyh i social'nyh tradiciyah rossijskogo naroda kak organizacionnoj osnove otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Aktual'nye voprosy rossijskogo prava: sbornik nauchnyh statej /Otv. red. A.YU. Vinokurov. M., 2011. p.109.
5. Artamonova E.A. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe Rossii: ucheb. posobie/ E.A.Artamonova, O.V Firsov.4-e izd. ispr. i dop.- M.: Norma: INFRA-M, 2016. 240 p..
6. Budnikov V.L. Sovest' kak npravstvennyj kriterij dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve //Rossijskaya yusticiya. 2010. № 1. p.17.
7. Il'in I.A. O pravosoznanii //Put' duhovnogo obnovleniya. M., 2003. p.276.
8. Kant I. Osnovy metafiziki npravstvennosti. M., 1999. 1472 p..
9. Kravcov F.I. Organizacionno-pravovoj mekhanizm voploshcheniya npravstvennyh osnov v ugolovno-processual'noj deyatel'nosti: dis. ...kand. jurid. nauk /. F.I. Kravcov. M.. 2011. 199 p.
10. Il'in I.A. Religioznyj smysl filosofii / I.A. Il'in. M., 2003. p. 411.
11. Lazareva V.A., Razvejkina N.A. Vnutrennee ubezhdenie prisjazhnyh zasedatelej i nekotorye aspekty ego formirovaniya // Pravo i politika. 2007. № 12. p.. 47.
12. Mironova T. L. Bronya geneticheskoy pamyati. M.: Algoritm, 2014. 352 p..
13. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / S.I. Ozhegov; prof. L.I. Skvorcova, 28-e izd., pererab. M.: OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»: OOO «Izdatel'stvo Oniks», 2012. 1376 p.
14. Rend A. Dobrodetel' egoizma / A. Rend. M. : Al'pina Pabliher, 2017. 186 p.
15. Serednev V. A. K voprosu ponyatiya «pravá» i «obyazannosti»: sravnitel'nyj analiz v liberal'nom zapadnom i tradicionnom russkom soznanii (rassmotrenie cherez sistemu ugolovno-processual'noj i operativno-razysknoj deyatel'nosti) // Otechestvennaya yurisprudenciya № 7 (9), 2016. p. 64.
16. Serednev V. A. Otricatel'noe vozdejstvie Zapadnogo liberal'nogo mirovozzreniya na ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii, na primere protestantskih vozzreniya I.Kanta i G.Gegelya // Otechestvennaya yurisprudenciya № 12 (14), 2016. p.p. 46-56.
17. Serednev V.A. K voprosu o «sovesti» kak komponente moral'no-npravstvennyh osnov v

ugolovno- processual'noj i operativno-razysknoj deyatel'nosti / V.A. Serednev// Glagol" pravosudiya. 2017. 2 (14). p.p. 53-59.

18. Serednev V.A. Kul'turnye i social'nye ogranicheniya v vide «dolzhnoj pravovoj procedury» v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve ugroza dlya nacional'noj bezopasnosti Rossii // Rostovskij nauchnyj zhurnal. 2018 № 11. p.p. 24 - 36.

19. Serednev V.A. Status lica, zaderzhannogo sub"ektami, osushchestvlyayushchimi operativno-razysknuyu deyatel'nost', i vidy ih dejstvij v kontekste operativno-razysknyh meropriyatij // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2019. № 1. p.p.55-59.

20. Serednev V.A. K voprosu razgranicheniya ponyatij «reshenie suda» i «osushchestvlenie pravosudiya» // Nauchnyj Aspekt. 2019. № 1 . Samara: Izd-vo OOO «Aspekt». T.2. p.p.121-127.

21. Sluchevskij V. K. Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. CHast' II: Sudoproizvodstvo / Pod redakciej V.A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2008. p.111.

About the author

Serednev Vladimir Anatolyevich, Lecturer at the Faculty of Economics and Law, Department of Law, Philosophy and Social Disciplines at Arzamas Branch of N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 607220, Arzamas, Lenin Avenue, 101. building 3 e-mail: address naganov1910@mail.ru